

Российская Академия Наук

Научный совет РАН «История мировой культуры»

Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, к.724, тел./факс (495) 995-14-52, e-mail: intelros@intelros.org

Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации РАН (Рабочие материалы).

Вып. №3 (78) апрель 2016

Александр Неклесса*

ВОЙНА В СЛОЖНОМ МИРЕ ДЕСТРУКЦИЯ И ПОРЯДОК

Простота – апогей изощренности. *Леонардо да Винчи*

Нужно усложнять, чтобы в результате всё стало проще, а не упрощать, чтобы в результате всё стало сложнее. *Вещлав Брудзинский*

Александр Неклесса – о гибридной метаморфозе, сложной реальности, производстве неопределенности и недостатках стратегии апгрейда. Беседовал **Николай Ютанов**.

НЮ – Второй номер «КБ» посвящен стратегиям, а стратегия – порождение военного дела, просто по происхождению. Хотелось бы поговорить о войнах и переменах, происходящих с войнами. В чем специфика войны в современном мире – какое у нее лицо сейчас?

АН – Война – хирургия перемен, форма результирующего насилия, кризисная самореализация политорганзима, чреватая хаотизацией, эксцесс диалога в критических и стремительных

* Руководитель группы ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»), заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРРАН. В прошлом управляющий Службы стратегического анализа МАПО МИГ, эксперт Совета обороны РФ. Авторизованный текст беседы. © 2016, Александр Неклесса. Сокращенная версия публикуется в апрельском номере петербургского журнала «Конструирование будущего».

обстоятельствах. Ее лик изменчив. Войны древнего мира и античные сраженья, средневековые баталии и битвы эпохи Просвещения различаются весьма заметно, однако перемены в их специфике представляются менее существенными, нежели та трансформация, которая происходит сейчас. И та, которую еще предстоит пережить.

«Человечество переходит от индустриальной цивилизации к постиндустриальной», – примерно так принято рассуждать, однако префиксы «пост», «нео», «транс» лишь констатируют новизну, не определяя ее характер. Думаю, содержательной дефиницией новой реальности является «сложный мир». Мир, в котором явления, процессы, институты преобразуются, обретая комплексный характер, в том числе – война. В эпоху Модернити эта предельная форма силового конфликта была институализирована в соответствии с индустриальным форматом цивилизации. Сегодня же в ситуации универсального транзита не только совершенствуются вооружения и военные прописи, меняется само понимание деструктивного феномена.

В индустриальном обществе война обрела черты индустриального предприятия: обзавелась стандартизованной техникой, высокотехнологичной логистикой, специфической бюрократией, подробными правовыми регламентами. Но после атомной бомбардировки Японии война эпохи индустриализма ощутила свой потолок и одновременно – новые горизонты: оружие Судного дня предопределило поиск иных средств и форм силового противостояния. Ядерный stumble block породил, в частности, феномен Холодной войны («мир, который не есть мир»), создавая и совершенствуя косвенные, ползучие, гибридные формы противоборства – расплодив на планете локальные войны и конфликты разной степени интенсивности: Корея, Вьетнам, Африка, Ближний Восток... Холодная война в каком-то смысле уже была транс-ядерной, т.е. ее сценарии, конечно, учитывали возможность применения ракетно-ядерного оружия, но строились таким образом, чтобы избежать подобной смертельно опасной коллизии.

Военное противоборство, трансgressируя обретенный цивилизацией барьер (делегитимацию и криминализацию войн), избегает по возможности официального декларирования и открытого применения национальных вооруженных сил, трансформируясь в синтетическое межведомственное действие. Пересматривается и формат прямого боестолкновения – сегодня предпочтение отдается дальнедействующим и высокоточным межвидовым средствам, применяемым в различных операционных средах. А в сценариях вероятных конфликтов в предвидении серьезных перемен больше внимания уделяется картографии будущего: многомерности боевого пространства, нетрадиционным ситуациям и симбиотическим формациям. В военную теорию проникают такие понятия, как «проактивность», «неопределенность», «комплексность». Речь, по сути, идет об активной разведке будущего и его опережающем деятельном освоении. Анализируются отдаленные и гипотетические обстоятельства, определяются пути преадаптации, средства купирования тех кризисов, которые еще не произошли. Сценарная проработка возможных конфликтов сопровождается превентивными акциями по искоренению опознанных угроз на стадии их зачатия. Еще одна актуальная категория – презмтвность, корень слова – «пустота», т.е. имеется в виду выявление и заполнение релевантных ниш, которые противник не видит.

Речь следует вести не только об изменении представлений о войне, но и о перерождении самой природы вооруженной борьбы. Война становится более сложным искусством, сопряженным со становлением подвижного, комплексного мира, расширяющимся спектром возможностей и рисков. Военная теория индустриального толка критикуется и корректируется, в частности, стали модными китайские исторические трактаты, в которых постулируется, что воевать на поле боя – дело неудачников в политике и в стратегии. В битве за будущее возрастает роль социокультурного конструирования. Прежнее целеполагание, связанное с обретением территориального контроля, оказывается своеобразной обузой, выкачивающей ресурсы и

ограничивающей свободу действий. Происходит переосмысление оккупации как социокультурной реконструкции, и как результат – уклонение от физического овладения территорией и прямого боевого столкновения, хотя рецидивы случаются. Примером территориально-властного мышления явилась недавняя Крымская операция, спланированная и реализованная в геополитических категориях, в то время как геоэкономическая и геокультурная проблематика остались на периферии рассмотрения и стратегирования. Клаузевиц, кстати, хорошо понимал, что в войне речь идет об эффективной кризисной реконструкции: в своей основе это проецирование воли, имеющее конечной целью установление иного порядка.

ВЛИЯТЕЛЬНАЯ ТЕНЬ И ЕЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ

НЮ – Большинство экспертов и специалистов говорят сейчас о новой технологической платформе для ведения военных действий. Огромные боевые роботы, рои роботов, беспилотные аппараты – и наземные, и летательные, и водные. Насколько новые технологии изменят облик войны, и как они скажутся на военных стратегиях?

АН – Вообще-то, техника в постиндустриальном понимании войны – не самое главное. Да, растет эффективность традиционных вооружений, совершенствуется высокоточное оружие, средства непрерывного наблюдения, массового и селективного уничтожения, создаются автоматизированные боевые сети, роевые системы, экспериментальные образцы «разумной пыли», разнообразные дроны, другие дистанционные, роботизированные средства разведки/поражения и даже экзотическое умное оружие: автономные системы, снабженные искусственным интеллектом. Но в войну нельзя играть одной мастью – только «пиками», исключительное внимание к технике все же особенность индустриального понимания войны. К тому же выявляются серьезные проблемы. Увеличение закупочных цен на новые виды оружия устойчиво превышает темпы роста военного бюджета, а стоимость обслуживания возрастает еще быстрее, причем большая часть этой техники никогда не используется на поле боя. Смысл боевого инструментария – обеспечить победу в конфликте. Но что если цели отчасти или даже преимущественно могут быть достигнуты за счет применения иных средств, не из реестра привычных вооружений? В таком случае логична переоценка сложившейся номенклатуры и объемов производства, что, конечно, является проблемой и закладывает предпосылки серьезных противоречий.

Военная машина – это мощь, способная влиять на обстоятельства, не только извергая огонь и железо, но отбрасывая влиятельную тень. Сегодня опознаются и апробируются средства господства, выходящие за рамки традиционных боевых регламентов. Внимание уделяется опережающим разработкам, адаптации технологий, перетекающих в военную сферу из гражданской, включая высокие гуманитарные технологии – high hume. К процессу привлекаются различного рода частные предприятия, интеллектуальные корпорации и венчурные организмы. Расширился и диапазон противоборства: к ареалам суши, моря, воздуха, космоса добавилось киберпространство, в процессе становления – психолого-социальный домен.

Постсовременная война обновляет инструментарий, обретая не только сложную технику или комплексные технологии, но также сложноорганизованных солдат-операторов и командиров. Поддерживать подобный тип военной организации возможно при наличии существенного культурного капитала, особенно в форме неявного/личного знания и когнитивных способностей, интеллектуальных преимуществ и кросс-культурных компетенций. На подходе (в экспериментальной фазе) психофизическое модулирование. В военных операциях необходимо присутствие компетентных профессионалов – хорошо вооруженных и защищенных людей, владеющих не только военными искусствами, но также другими квалификациями, составляя в сумме мобильные модульные организмы, способные оперативно купировать чрезвычайные и

нестандартные угрозы, ориентироваться, адаптироваться, неоднозначно мыслить и автономно действовать в ситуациях неопределенности.

Генеральный вопрос – конечная цель военных усилий и траектория ее достижения. При планировании кампании могут быть применены различные по эффективности методологии анализа-действия-управления. За период после «горячей» мировой войны прошлого века сменилось несколько методологических платформ, связанных с анализом многофакторных ситуаций и управлением масштабными событиями: исследование операций, системный анализ, системная (индустриальная) динамика, управление матричное, косвенное (рефлексивное, точечное, поведенческое), синергийное. На основании данных методологий создается методический и технологический инструментарий, применяемый при планировании и реализации военных операций.

НЮ – А можно примеры? Особенно про «верхние этажи».

АН – Например, в операции «Буря в пустыне» использовалась методика рефлексивного управления противником – учет ментальности Саддама Хусейна, предполагая высокую вероятность существенного изменения им характера иракской обороны при признаках продвижения войск США в направлении не Кувейта, а Багдада. Однако движение американских частей, якобы направленное в центр страны, образовало дугу, вонзившуюся в итоге в оборону оккупированного Кувейта, действительно ослабленную из-за перегруппировки элитных частей. В результате цели кампании были достигнуты без сколь либо существенных потерь.

НЮ – А вторая кампания? Там же явно другая схема.

АН – Во время второй иракской кампании («Иракская свобода») также применялись оригинальные методики, в частности связанные с точечным («акупунктурным») управлением, к примеру, блокированием счетов избранных лиц, сопровождавшимся указанием на линию поведения, необходимую для их разблокирования. В результате собственно военная кампания по полному разгрому иракской армии была проведена за три недели. Однако ее цели были спланированы все же в рамках прежних военно-политических схем.

Операции на Ближнем Востоке, в определенном смысле не имели временной границы. Скорее они вписывались в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, состоящей из следующих элементов:

- поддержание высокой боеготовности элементов войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- внешний контроль над ключевыми/критическими зонами и окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и синергийного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;
- использование частных военных корпораций, создание конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций.

В пределе же важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективного управления в подвижной, децентрализованной среде – там, где «события руководят планами». При этом возможен пересмотр принципов физического доминирования, в результате чего значительная часть боевой нагрузки может быть передана союзникам и партнерским исламским

коалициям. Боевые и технические задачи могут решаться даже теми силами, которые в прежних сценариях ситуации расценивались как противники. То есть сегментированный «противник» отчасти сам выполняет комплекс операций, обременительных по тем или иным причинам.

НЮ – Ну, такой ход достаточно понятен. Особенно если противник живет в другом типе войны.

АН – Исторические и политические ландшафты изменяются не только посредством войн, однако неумелая реконструкция может вести к прямому применению вооруженных сил. Стратегический просчет Сталина в свое время обернулся колоссальными человеческими и материальными потерями для СССР, примерно то же можно сказать о его послевоенной внешнеполитической растерянности, приведшей к Корейской войне и вписавшей страну в невыгодный контур мировых связей. Кризис 1953-го, равно как и 1966-68 годов также предполагал выбор путей в будущее, что отразилось в серьезных, хотя и подковерных, схватках элиты, включая советскую. Если же оглянуться на недавнее прошлое, можем вспомнить 2003 год, когда Франция, Германия, Россия оказались солидарны в негативном отношении к перспективе новой иракской войны, и проступал облик иной Европы, нежели мы видим сегодня...

Или обратимся к коррективам, которые вносит сейчас в проблематику мироустройства доктрина Обамы. Соединенные Штаты вплотную приблизились к ресурсной независимости, включая энергоресурсы (по крайней мере, в рамках американского континента), что стимулирует снижение их военно-полицейской активности, особенно, когда та или иная ситуация не представляет непосредственной угрозы национальной безопасности. Императивом же века становится не наличие традиционных ресурсов, а технологическое и антропологическое продвижение, экономики ранжируются в соответствии с индексом их сложности, а не в категориях ВВП и подобным. Впрочем, это, наверное, уже другая тема, «другая история», как приговаривали любимые Вами братья Стругацкие.

Еще одна паравоенная повестка – экспансия культуры смерти и трансграничного терроризма, использующего преимущества распределенной организации и сетевого «управления дикостью» (*undernet*), что повышает адаптивность и эволюционные возможности. Не касаясь подробно проблем суицидального терроризма, замечу, что «шахидизм» как новый формат *антропологического оружия* вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления, его корни вероятно глубже, а перспективы шире. Квази-ислам возможно вскрывает еще более опасные формы агрессии по отношению к современной культуре и цивилизации, колонизируя земли, где социальный и культурный императив замещается психологической доминантой. Подобное расширение военной проблематики вновь вводит в оборот тему различения и сопряжения усилия и насилия.

ВОЙНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

НЮ – Полвека назад Герберт Маршалл Маклюэн писал: «Истинно тотальная война – это война посредством информации. Ее незаметно ведут электронные средства коммуникации – это постоянная и жестокая война, в ней участвуют буквально все. Войнам в прежнем смысле слова мы отводим место на задворках вселенной». В современном подходе – это же не просто гипертрофированные пропагандистские сражения?

АН – Интересная двусмысленность в этих словах, учитывая сопутствующий основному тезису обертон – расползание горячих локальных конфликтов в те годы на «периферии человеческой вселенной».

Что же касается основной мысли Маклюэна, то движение в данном направлении выходит за рамки моделирования поведения посредством информации/коммуникации или даже

формулирования/формирования самой социальной реальности. Структура социума в категориях complexity – продукт активации сложного мышления, мироустройство, сопряженное с нелинейностью. Это следствие активного представления будущего, аутотрансформации человека, изменения среды его обитания, отделения субъектов антропологического империума от традиционных и природных обременений, державших в тисках ветхого мира. Горизонт революции сознания и универсальный вселенский переворот. Соответственно, как в экономике произошел сдвиг в направлении нематериальных активов, так и в иных сферах деятельности, включая военное искусство, наметилась экспансия творческих преобразований.

Популярная сегодня гибридная метаморфоза может рассматриваться в том числе как коррекция стереотипа летального, кинетического насилия за счет переосмысления феномена и сопутствующей имплантации нетривиальных сценариев/активов в ткань повседневности. Будущие битвы становятся более сложными, характер угроз – неопределенным, состав союзов – непостоянным. Военные операции «будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции» (генерал Дэвид Дж. Перкинс). В постсовременной среде меняется сам язык войны, растет значение социальных взаимодействий, общественного резонанса, информационных и коммуникационных технологий, дипластии и суггестии, скорости ориентации в сложном мире, мастерства в создании ситуаций «превосходящих возможности анализа, прогнозирования, выработки правильных решений и их реализации» противником. Стремление к нанесению разрушений и потерь все более замещается захватом стратегической, психологической, информационной инициативы, фрустрацией противника, его моральным сокрушением, организацией замешательства и конфликтов в круге лиц принимающих решения, подавлением воли, подведением к принятию критически неверных решений.

Вовлечение невоенных лиц и организаций в процедуры гибридных конфликтов стимулирует ревизию законов войны, пренебрежение ее традициями и ритуалами. Коррекция включает переоформление круга законных целей, статуса комбатантов, состава привилегированных и непривилегированных страт. И, коль скоро, существенно меняется статус средств информации, то естественно, что происходящие в этой сфере изменения затрагивают не только дистанционных операторов, находящихся на территориях других стран, или руководителей операций двойного назначения, но также, к примеру, военных корреспондентов.

НЮ – То есть война становится этакой неременной и универсальной технологией? В свое время было конверсировано понятие стратегии, которые с легкой руки Мацушиты Коносукэ быстро вошли в практику мирной жизни. Сформировался другой тип мышления, ориентированный на цели, задачи и пути их решения.

АН – Я бы сказал несколько иначе: война приобретает более широкий, нежели сугубо милитарный смысл. Этот процесс можно толковать двояко: (а) как силовую экспликацию и экспансию, то есть внесение в мирные виды деятельности сурового подтекста – опознание и использование их в качестве оружия, или же (б) воспринимать как специфическую пасификацию, при которой качества и формат военных действий по-своему социализируются и гуманизируются. Дело тут, скорее, в степени удержания морального императива. Комплексный мир интегрирует, синтезирует то, что некогда было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное и групповое развитие вновь сливаются в единый континуум. Художественные интерпретации процесса провоцируют и опережают аналитический дескрипт. С этой точки зрения война, будь то усилие или насилие, принуждение или сопротивление, оказывается разлитой во всех формах человеческой деятельности.

НЮ – Как на этом фоне выглядит Россия? Есть ли у нас методы, методики, технологии, сравнимые с теми, которые применяют США?

АН – Наверное, в этом месте беседы нужно сделать шаг в сторону. Мы оперируем понятием «сложность», но, боюсь, как бы не возникла аберрация в восприятии данной категории. Сложная система – это не запутанный блужданиями в «дурной бесконечности» лабиринт и не свалка неразобранных проблем и событий, а весьма специфичная, многофакторная, динамическая организация, управляемая за счет познания/признания непростых закономерностей. Ее отличительные свойства: способность к обильному производству разноречивой информации, самоусложнению и самоорганизации, наличие фактора неопределенности. Если сложность и предстает перед нами как хаос, то это беременный хаос, в подвижных очертаниях которого присутствует иной, нежели ранее известный порядок. Со времен Луи де Бройля и Эдварда Лоренца данная проблематика стала одним из генеральных направлений исследований.

Человеческий интеллект способен преодолевать шаблоны сознания, вскрывая неоднозначность того, что представляется очевидным, постигая комплексный характер реальности, физической и социальной, которая зависит от позиции и намерений наблюдателя. Процесс, отчасти, подобен подстриганию английского газона, он требует сосредоточения опыта и персонального мастерства, но также – устремления к подлинности в промыслинии оснований и непредвзятости в представлении будущего. Продвижение в будущее в России в последнее (продолжительное) время мыслилось и, фактически, декларировались как удержание улучшенной версии настоящего, т.е. в русле редуцированного концепта развития – аморфно-позитивных настроений и представлений, попыток апгрейда прошлого в стилистике индустриально-экономических реформ (наряду с наслаивающимися симптомами неоархаизации). Пример отягощенной редукции я уже, кажется, приводил, обмолвившись об исчислении развития, причем на основе дремучих показателей, наподобие ВВП, но разве развитие нации сводится к экономике, а достижения экономики к росту ВВП? С российским ВВП вообще забавно выходит. Люди выкапывают из земли то, что в ней находится, а получается, будто они это изготовили-произвели, что лишний раз подтверждает – ВВП негодный инструмент. Данное рассуждение – запись на полях более широкой темы, равно как маргиналия и по отношению к основной теме беседы, однако в экономике виден тот же вектор перемен: ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческого и культурного капитала. А вот тут у России как раз проблема.

И Россия, и ряд других стран, оказались в полосе отчуждения от постсовременности и, судя по всему, пребывают в некоторой интеллектуальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства управления в комплексной среде: они, в целом, не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или просто отчетливыми моральными качествами, карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Кроме того, в стране, фактически, нет ни общей, ни профессиональной интеллектуальной инфраструктуры соответствующего класса. Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в России. Аморализм и короткий, оперативнo-тактический горизонт планирования влекут последствия: они предопределили постиндустриальную контрреволюцию, дефицит культурного капитала и профанацию идеалов – главными ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция. В результате Россия пребывает в очаровании методов XIX – первой половины XX века. Воевать «против кого-то» – это ментальность рефлекторного типа, настоящая проблема – проникновение в будущее и эффективное его освоение.

Интеллектуальное банкротство влечет поражение. Эклектичный статус постсовременной конкурентной конфронтации – своего рода «туман мира» как метафора суперпозиции – это симптом трансформации социокосмоса, указывающий на вызывающее разнообразие альтернатив

и высокую вероятность погружения в перманентную неопределенность «ни мира, ни войны». Отыскивая объяснительную предпосылку, в пору задуматься о схожести (когерентности) актуальной нелинейной политологии с постулатами неклассической физики. Кстати, нынешний министр обороны США Эштон Картер имеет два высших образования: он специалист по средневековой истории и доктор теоретической физики.

НЮ – Что ж, все происходит в точном соответствии с теоремой Гибсона: «Будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено». Мир же принципиально неоднороден, и пространственная локализация разных фаз развития – тоже.

АН – Или, если развернуть тезу, история как процесс развития формируется в центрах, где производится будущее, откуда оно распространяется по миру; обретается партнерами, которые соучаствуют в процессе производства, но не инициируют его; потребителями, которые усваивают прописанную им версию; наконец, теми, кого данный процесс вытесняет на пепелище истории, отчуждая от будущего.

Будущее отрицает прошлое, утверждая рассеянное в нынешнем множество настоящего. Как результат, творятся радикальные, хотя не сразу и не всегда очевидные метаморфозы, конструктивные и деструктивные. В цивилизационной ткани образуются прорехи, в их числе травматические инклюзии наподобие ИГИЛ (*запрещенная в России организация – ред.*) – пространства демарша против своекорыстия и меланхолии цивилизации, где происходит материализации глубин подсознания, агрессивнo-эскапистских грез в стилистике а la «Дюна». Присущие тому же ИГИЛ активизм, акционизм, футуристичность, элементы политического франчайзинга и даже спорадически взлетающие «черные лебеди» вызывают резонанс, провоцируют возмущения в среде людей, фрустрированных изъянами глобального сообщества.

Такие квази-государства – образования, в сущности, не столько фундаменталистские, сколько постмодернистские. Это «пена дней», в ИГИЛ даже ислам весьма специфический. На зыбкие территории стекаются люди, которых по разным причинам мейнстрим цивилизации активно не устраивает, они ищут компенсацию в иных версиях реальности. Данные политико-психологические локусы – будь то ИГИЛ или Донбасс – контркультурный фетиш, который мыслится и реализуется симпатизантами и прозелитами как исход из постылого существования, экзистенциальный транзит, конвертация безнадежного социального отчуждения в обнадеживающее культурно-конфессиональное, сопряженное с сепаратными картами будущего. Человеческая вселенная оказывается не многополярной, а многоуровневой, слоистой, и подобно физической вселенной или швейцарскому сыру – с червоточинами.

КИТАЙ, СТРАНА ОТЦОВ И ЛОВУШКА ГЕДЕЛЯ

НЮ – То есть, если обобщить, в ближайшем будущем нам потребуется полное переформатирование понятия «война» в массовом сознании? И с учетом неравномерности распределения будущего по территориям, и с учетом новых методологий?

АН – Описание это интерпретация, т.е. для эффективного поведения оно необходимо, но недостаточно. Военному искусству свойственна презумпция реализма – слишком жестко здесь проверяются идеи практикой. Этот специфический здравый смысл обоснован высокой ответственностью за принятые решения и отданные приказы, возможностью резких изменений ситуации, неожиданных потерь, чувствительных неудач, синектрическими эффектами. Феномен войны приходится адаптировать и к существующему положению вещей, и к вновь возникающим обстоятельствам, причем оба регистра могут активироваться одновременно.

Приходится размышлять, как именно будет происходить дальнейшая трансформация феномена, и продолжим ли мы по-прежнему оперировать категорией «война» в грядущей

исторической ситуации. Сегодня все чаще используются эрзац-определения: «асимметричный конфликт», «силовое противоборство», «стабилизационная» или «анти-террористическая операция» и т.д. Китайцы, признанные авторитетами в гибридных и теневых войнах, утверждали, что воевать нужно косвенно, без формальных деклараций, оттягивая начало собственно боевых действий, осуществляя «реконструкцию реальности» как альтернативу «нанесению ущерба».

Кстати, в Китае не так давно была опубликована интересная статья «Реформа Структуры, позволяющая реформировать Систему, является наиболее важной» – о трех уровнях реформирования: технологическом, системном и структурном. Смысл в том, что, на первый взгляд, продвигаться в будущее можно просто улучшая инструментарий и технологии. Но заметно более высокий уровень – реформирование системы действий, т.е. совершенствование правил игры. Существует, однако, третий уровень (интересно, что именно в Китае об этом зашла речь), для которого важно вот что: какие бы изменения в системе не производились, последняя все же пребывает в геделевской ловушке, пока не переосмыслит субъектность реформирования, и не изменит ее, внося социально обусловленную подвижность в структуру властной инициации и производства перемен. Иначе субъект реформирования будет имитировать, а не эмитировать будущее, пытаясь на деле улучшить либо удержать настоящее. И сегодня даже те, кто в российской политике пытается заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

НЮ – Как и в случае с новыми способами ведения войны напрашивается пример.

АН – Развитие как постижение и организация более сложной реальности наиболее полно аккумулируется и проявляется в культурных и антропологических результатах. Если, как Вы заметили, «будущее уже здесь, просто оно неравномерно распределено», то из обитателей количественного индустриализма люди (в персональном статусе) мигрируют в несуществующий до времени мир, где категория количества утрачивает былое значение, уступая место качеству среды и личности, что и является источником/критерием перемен. Примерный аналог подобной ситуации – генетическая мутация в биологическом организме, когда уникальное (т.е. единичное) событие способно преобразить и преобразовать всю систему. Ответ же на Ваш вопрос о социальной аппликации – формирование в теле распадающегося политорганισμού контробщества, обладающего интеллектуальным и моральным превосходством.

Дело, по-видимому, вот в чем: социосистема сложна по своей антропологической сути, поэтому как любой био(социо)ценоз чревата взрывчатыми фазовыми переходами. Иначе говоря, стратегирование должно быть диалогично и диалектично (причем с привкусом негативной диалектики), а не монологично и нормативно, т.е. реформы (как структурный транзит) предполагают испытание будущего, перманентный властный диалог и наличие критического класса. Эффективность системы сопряжена с развитием концептуальной разведки, механизмов самоорганизации и высокой адаптивности (жизнеспособности и вариабельности), а не просто с контролем, управлением и целеполаганием

Решающую роль играет доминанта процесса: преобладание поисковой или охранительной активности. Нарастание оборонного сознания проявляется сегодня в логике российского законодательства, нацеленной, в частности, на консолидацию силовых и политических механизмов. Так, согласно введенному с 1 января с.г. «Плану обороны на 2016-2020 годы», при возникновении кризисной ситуации «наряду с Вооруженными силами, другими войсками и воинскими формированиями к территориальной обороне привлекаются силы и средства всех федеральных органов исполнительной власти, региональных администраций и местного самоуправления» (Валерий Герасимов). В данную логику вписывается и создание института Национальной гвардии, соединившей военные и правоохранительные структуры.

Косвенный, но по-своему многозначительный симптом диссоциации от прогрессирующей трансформации: Джордж Буш-младший, который действовал в категориях апгрейда, России был вполне внятен, а стратегию Обамы уже плохо понимают. Равно как и зигзаги нынешней президентской избирательной кампании в США.

НЮ – Есть ощущение, что проблема апгрейда – это проблема системная. Невозможно же пересобрать, конструировать будущее в какой-то одной части системы – и апгрейдить другую. Или вообще не апгрейдить.

АН – Ну, почему же, модель слоистого универсума как раз об этом. Причем она результативна в обоих направлениях: со-бытие в одном хронотопе создает внешние эффекты, поощряет мимикрию, портит историческое и политическое зрение. Вот опыт Северной Кореи под боком – вполне отчетливый апгрейд, даже какой-никакой ракетно-ядерный прорыв реализован.

КБ, как я знаю, тесно связано с движением российских фантастов. Если не ошибаюсь, соотношение апгрейда как модернизационной иллюзии и кризиса системного перехода одна из ключевых тем (если не основная) братьев Стругацких. И это была не только общая рефлексия на тему практически универсального, многоступенчатого и разновекторного (в их ментальной вселенной) прогрессорства. Вот, к примеру, частный эпизод из «Обитаемого острова»: оппозиция вкупе со Странником собирается свергнуть диктатуру Неизвестных Отцов, т.е. олигархию, однако продолжает мыслить власть в сущности в прежних категориях, совмещая понятия *власть* и ее *аппарат*, смешивая вплоть до аберрации субъектности *суверенитет нации* и производный по отношению к ней *государственный вассалитет*. Поэтому у них и нет желания отказываться от излучателей. Поясню, речь не о способе решения возникшей «дьявольской альтернативы», а об основаниях и, главное, горизонтах данной политической позиции. На том этапе вроде бы вынужденной, однако, рискующей стать перманентной пролонгацией социополитического инварианта. В то время как действительное будущее предполагает переворот, т.е. общественный консенсус на ином, скальном, основании. Власть метафизична, и настоящая катастрофа – крах мировидения, проще говоря, утрата ценностей. Может поэтому Страна Отцов есть остров, хоть и обитаемый.

НЮ – А были ли в России попытки не апгрейда, а создания нового консенсуса?

АН – В начале прошлого века – системная революция, у которой было несколько движущих сил, в результате основной конфликт развернулся не с прежним властным субъектом, а между ними. В любом случае революция предполагала реальную смену элит и версии нового общественного договора. Схожее ощущение было на излете 1980-х, однако в 1990-ых так и не произошел пересмотр социополитического кода. Случился «противоход», почти как в «Обитаемом острове», сопровождавшийся ползучей санацией гражданской самоорганизации, уплощением народного (властного) представительства. А затем все пошло по накатанному маршруту, включая «сохранение излучателей», но в усовершенствованном, согласно логике апгрейда, виде. Однако система, которая себя перманентно реплицирует, пусть и в иных личинах, внутренне существенно архаизируется – это ведь своего рода социальный инцест.

НЮ – И последний вопрос. Насколько длительным может быть процесс изменения мировой системы? Или хотя бы отдельных стран, той же России?

АН – История в современном мире имеет также пространственное выражение. Рассуждения на данные темы в России – в рамках разговора о будущем – лет двадцать-тридцать тому были практической озадаченностью. Сейчас ситуация изменилась. Что касается «мировой системы», предельный рубеж антропологического универсума – грядущая сингулярность, актуальный – новый формат личности и среды обитания, сложный характер взаимодействий, комплексный статус реальности.

Тут есть, однако, психологическая проблема. Нынешняя трансформация не «длительный процесс» – она нелинейна по природе и драматична по содержанию: не достижение чего-то, а движение куда-то. Это несбалансированное «движение» есть степень изменения личности и социального организма, т.е. мутация, преобразование. Будучи асимметричным и скачкообразным, включающим инволюции и рекуррентности, процесс реализуется не в хронологических координатах, по крайней мере, не для всей популяции. Будущее со-существует с настоящим, мы живем в потоке неравномерных перемен с возрастанием ставок – даже не бифуркаций, а полифуркаций, представляем же транзит как тот самый апгрейд: продвижение из пункта А в конечный пункт Б. Иначе говоря, пребываем в ожидании результирующей стабильности, мыслимой при этом как статичность, т.е. в своих ожиданиях и предпочтениях склоняемся, фактически, к карнализации застоя. Примерно так в СССР представляли коммунизм, хотя Маркс и определял его иначе – не как состояние, а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»...

Нас вряд ли ожидает переход к сбалансированному порядку. Скорее человеческое бытие будет окутываться и пронизываться усложняющейся оболочкой *перманентного транзита* – конституируя неравновесный, неоднородный, динамичный статус антропологической вселенной, населенной многочисленными индивидами. Мир слабоформализованных трансграничных существ и сообществ, активно осваивающих высокотехнологичный инструментарий. Поэтому люди, наверное, так фантастику и любят. Поскольку она в книгах, а книгу можно в любой момент закрыть и поставить на полку.

Рабочие материалы издаются для ознакомления членов Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН в рамках программы «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (реализуемой при поддержке группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» и клуба «Красная площадь»).

Ключевые слова: война, вооруженные силы, национальная безопасность, стратегия, планирование, трансформация, преадаптация, будущее.

Key words: methods of war, armed forces, national security, strategy, transformation, preadaptation, future.

***Адрес:** Александр Неклесса, Лаборатория «Север–Юг», Институт Африки РАН; Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

****Для цитирования:** Неклесса А.И. 2016. Война в сложном мире. О гибридной метаморфозе, новых реальностях, производстве неопределенности и стратегии апгрейда // Рабочие материалы Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН. №3 (78) апрель. – М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. 12 с.

Сокращенные версии докладов по военной проблематике в 2015 году публиковались в бюллетенях Комиссии и в «Независимой газете»:

- Смысл слов. Государство, безопасность, война, вооруженные силы – все эти понятия отстают от реальности // Независимая газета. Идеи и люди. 16.03.2016.
- Гибридный мир и сирийская комбинаторика. XXI столетие может стать временем перманентной войны // Независимая газета. Идеи и люди. 16.12.2015.
- Гибридные войны. Облик и параметры вооруженных конфликтов в XXI веке // Независимая газета. Идеи и люди. 18.09.2015.
- Черные лебеди над Донбассом. Социальная турбулентность украинских событий и ее глобальный контекст // Независимая газета. Идеи и люди. 10.06.2015.

Полный текст этого доклада на Специальном мероприятии XXV Экономического форума (8-10 сентября 2015, Крыница-Здруй, Польша) «Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке» см. на сайте ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия (intelros.ru): Александр Неклесса. Гадкие лебеди. О гибридной войне, сложном мире и чёрных лебедях над Донбассом // ИНТЕЛПРОС/СИНЛА №3, Москва: ИНТЕЛПРОС–Интеллектуальная Россия, 2015. – 24 с.

PERSONALIA

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF), член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии», редколлегии журнала «Актуальные проблемы экономики и права».

Со-руководитель семинара «Цивилизационные альтернативы мирового развития» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН, Лаборатория «Север – Юг»). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «СΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее»/FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор приблизительно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдейя (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015-2016), ИНТЕЛПРОС (2003-2016).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru

И 967. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН (постановление Президиума РАН № 285 от 8 октября 2002 г.). Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,25. 19.04.2016.